

RU

Отражение темы становления новых форм общественного бытия в книге очерков Ф. И. Панферова «В предутреннюю рань» (1927): на примере очерков «Маркел» и «В предутреннюю рань»

Култышева О. М., Ращупкина О. С.

Аннотация. Цель исследования - на основе книги очерков Ф. И. Панферова «В предутреннюю рань» (1927) охарактеризовать его произведения о деревне как художественный мир, преодолевающий отчуждение деревней всего нового в ходе коллективизации. Научная новизна заключается в том, что произведения Ф. И. Панферова рассматриваются как отражение ведущих тенденций «колхозной прозы» 1920-30-х годов; исследование восполняет пробел в изучении малоизвестных очерков писателя. В результате на основе обращения к очеркам Ф. И. Панферова «Маркел» и «В предутреннюю рань» охарактеризован сложившийся в советской литературе второй половины 1920-х годов образ крестьянского Космоса эпохи коллективизации; художественный мир, выражающий «поющее и рыдающее славословие» бытию советской деревни.

EN

Representation of Theme of Developing New Forms of Social Life in F. I. Panferov's Book of Essays "In the Early Morning" (1927): By the Example of the Essays "Markel" and "In the Early Morning"

Kultyshева O. M., Rashchupkina O. S.

Abstract. The aim of the study is to characterize F. I. Panferov's works about the village as an artistic world overcoming alienation of everything new by the village in the course of collectivization. The research is carried out basing on the book of his essays "In the Early Morning" (1927). The scientific novelty lies in the fact that F. I. Panferov's works are considered as a representation of the leading trends in the "collective farm prose" of the 1920-30s; the paper fills a gap in the study of the writer's little-known essays. As a result, based on the reference to F. I. Panferov's essays "Markel" and "In the Early Morning", the authors characterize the image of the peasant Cosmos of the collectivization era that developed in the Soviet literature in the second half of the 1920s, as well as the artistic world expressing "singing and sobbing doxology" of the Soviet village life.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что творчество ныне известного как «второстепенный» писатель Ф. И. Панферова, изображающее диалогическую противоречивость деревни 1920-30-х годов, во многом репрезентативно для литературной ситуации названного периода. В нем нашли отражение драматическая история коллективизации и положение деревни в целом. Ф. И. Панферов сам строил социализм в деревне, участвовал в РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), подчиняя свое перо соцказу. Сегодня, когда имена «второстепенных» писателей («писателей второго ряда») возвращаются к отечественному читателю, тема исследования представляется актуальной и имеющей научную новизну.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, на основе обращения к книге очерков «В предутреннюю рань» показать идейно-нравственную противоречивость произведений Ф. И. Панферова конца 1920-х гг. о коллективизации в деревне; во-вторых, охарактеризовать отражение процесса коллективизации и положения деревни в некоторых произведениях Ф. И. Панферова из названной книги очерков; в-третьих, исследовать воссоздание изменений, происходящих в народном сознании в очерках Ф. И. Панферова «Маркел» и «В предутреннюю рань»; в-четвертых, на основе проанализированных произведений сделать выводы о диалогической противоречивости изображения деревни в прозе Ф. И. Панферова конца 1920-х годов.

В статье применяются следующие методы исследования: биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, социологический, психологический методы, а также системно-целостный анализ художественного текста.

Теоретической базой исследования, наряду с книгой очерков Ф. И. Панферова «В предутреннюю рань», послужили автобиографическая книга младшего брата писателя А. И. Панферова (1980) «Мой старший брат. Штрихи жизни Федора Панферова», отзыв П. Алгасова (1928) на книгу «Ф. Панферов “В предутреннюю рань”» (Изд. “Московский рабочий”. М. – Л., 1927. Стр. 147. Ц. 1 р.)» и созданный в исследуемый период советской литературы «Краткий очерк современной русской литературы» (Майзель, 1931).

Практическая значимость исследования заключается в том, что осуществленный в нем анализ отражения тенденций «колхозной прозы» 1920-30-х гг. в очерках Ф. И. Панферова из книги «В предутреннюю рань» позволил выявить противоречивый, диалогический характер изображения деревни в произведениях писателя. Следовательно, исследование вносит свой вклад в разработку проблемы специфики «колхозной прозы» названного периода, а также в изучение малоизвестных произведений писателей «второго ряда». Его результаты могут найти практическое применение в чтении дисциплины «История русской литературы» («Советская литература») в вузовской практике.

Основная часть

Федор Иванович Панферов (1896-1960 гг.) – писатель, стоящий у истоков советской литературы: он был одним из руководителей РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), редактором «Крестьянского журнала» (1924-1931 гг.), главным редактором «Октября» (с 1931 г.). Сын бедного крестьянина, Ф. Панферов изнутри знал жизнь мужика. Именно поэтому большинство произведений писателя посвящено судьбе современной ему деревни, переживающей перемены, связанные со становлением новых форм общественного бытия в 1920-30-е гг. В автобиографической повести «Родное прошлое» Ф. Панферов (1959) напишет, что перед ним еще в начале творческого пути встал «основной, главный, в страданиях выношенный вопрос – о путях развития многомиллионного крестьянского населения» (с. 161). Как отметит Всеволод Сурганов (1977): «Это был выход к теме, которая стала генеральной в панферовском творчестве. К теме колхозного строительства...» (с. 13).

В 1927 году в издательстве «Московский рабочий» вышла книга очерков Ф. И. Панферова «В предутреннюю рань». «Автор берет клочок тамбовских черноземов и выслеживает на нем новые черты, которые проступили на сумрачном лике старой деревни с ее церквушкой, вековыми ухабами, скрипучими ветряками, бурливыми половодьями Цны, древней грязью на мужицких шеях, ленью феноменальной, трудом тяжким и порабощающим и неподвижно-священной, как старообрядческое двуперстие, трехполкой» (Алгасов, 1928, с. 210).

Книга очерков «В предутреннюю рань» имеет сложную структуру. В содержании выделены три части: «На распутье» (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.), «Козловская республика» и «Коллективщики».

Заглавный образ первой части имеет считываемый метафорический характер и соотносится не только и не столько с пространственным образом «перекрестка двух или нескольких дорог, перепутья» (прямое лексическое значение слова) или с сезонным явлением, наблюдаемым весной (см. разговорное «распутье – то же, что распутица» (Словарь русского языка, 1987, с. 660)), сколько с историческим периодом, для которого характерна необходимость сделать выбор будущего пути, направления движения: в переносном значении «на распутье – в состоянии сомнения, раздумья, нерешительности (быть, находиться и т.п.)» (Фразеологический словарь..., 1978, с. 386), «на распутье (быть, стоять и т.п.) – в состоянии сомнения, раздумья, не зная, как действовать, не решаясь сделать выбор» (Словарь русского языка, 1987, с. 660). В первую часть вошли следующие очерки: «Маркел», «Дом ожиданий», «Спектакль», «Одиннадцать дохлых лошадей», «Пламя зари», «Тутуля», «Митинг у моста», «Шленка», «Движек», «Сватовство», «К одному берегу».

В название второй части вынесены два слова – «Козловская республика». Первое связано с фамилией героя – Павла Артамоновича Козловского – председателя сельсовета Воронцовки, а второе указывает на характер взаимодействия героя и мужиков – жителей села. Перед читателями, на первый взгляд, предстает система народного правления, при которой жизненно важные решения (например, по возврату семсуды) принимаются совместно на общем сходе, но в то же время очевидно, что Козловский – мудрый и опытный руководитель, прекрасно понимающий природу мужика (крестьянина-индивидуалиста) и способный управлять решениями народной массы: «Да нельзя им было об этом сказать, – говорил он нам на следующий день. – Скажи им: у вас все законы посеяны, – меня бы на кулаки подняли... А-а-а, ты, дескать, супротив нас, на то мы тебя выбирали!.. А тут – делать нечего, руки подняли, а на утро никто не пришел...» (Панферов, 1927, с. 88). Века Панферова (1987) – дочь Федора Панферова – вспоминая о впечатлении, которое при знакомстве произвел на отца Павел Артамонович, пишет: «Федор точно чувствовал – это тот человек, который ему нужен! <...> Все было в этом человеке хорошо – большой, глыбистый, богатырь русский, весь будто вырублен из одного куска гранита. И умен, и сообразителен, с мужиками ведет себя как прирожденный дипломат, а с ними иначе и нельзя: мужики такой народ – им палец в рот не клади» (с. 144). Вторая часть книги «В предутреннюю рань» включает в себя очерки «За землей», «Подход», «Земля», «Без точки», «Семья Пырякиных», «Аграфена Чуркина», «Сход».

Третья часть под названием «Коллективщики» знакомит читателей с историей создания и буднями сельскохозяйственного коллектива имени Яковлева. Тридцать семей на бывшей барской земле осваивают коллективную форму ведения хозяйства, сталкиваясь с трудностями, преодолевая сомнения. Эта часть представлена следующими очерками: «На реке Цне», «Три года назад», «В избе Севастьянова», «Варькина жизнь»,

«Ванька-звонок», «Плотина», «Страда», «Соха-то, матушка», «Октябрины», «Шабры», «В предутреннюю рань». Обращает на себя внимание тот факт, что очерк, который дал название всему сборнику («В предутреннюю рань»), завершает данную часть и является последним из тринадцати произведений, включенных в книгу.

Художественным пространством цикла стали несколько населенных пунктов Тамбовской области: упоминаются села Знаменка, Сергиевка, Измайловка, Покровское, Воронцовка, реки Цна, Кориан, Алай, Сява. Именно в этих местах весной 1926 года побывал Федор Панферов, назначенный несколькими месяцами ранее редактором «Крестьянского журнала». Александр Иванович Панферов (1980) в биографической книге «Мой старший брат» пишет об этом периоде: «В первые весенние дни Федор уехал на Тамбовщину. Попав в село Воронцовка, он некоторое время пожил в колхозе, по своему обыкновению, сблизился со многими людьми. <...> Среди множества людей его внимание привлек председатель Воронцовского сельсовета Павел Артамонович Козловский, человек своеобразный, огромного роста, большой силы и незаурядного ума. Они сдружились, и Федор целые дни проводил вместе с ним, внимательно наблюдая все то, чему оказывался свидетелем» (с. 141).

Фактический материал, накопленный во время данной командировки, был творчески осмыслен писателем и стал основой произведений, вошедших в сборник «На реке Цне», многие из которых год спустя Панферов включил в третью часть книги «В предутреннюю рань», переработав их и изменив названия («Два года назад» – «Три года назад», «Ульянкина жизнь» – «Варькина жизнь», «Вовка-звонок» – «Ванька-звонок», «Надвигалась страда» – «Страда»).

Александр Панферов (1980), говоря о «небольшой книжечке “На реке Цне”», указывает, что в нее вошли «зарисовки из жизни воронцовского колхоза» (с. 141), в то же время он определяет «В предутреннюю рань» как «книгу очерков» (с. 139).

К 1927 году Федор Панферов имел большой опыт создания произведений разных жанров (эпических, лиро-эпических и драматических): им были написаны рассказы «Слепая», «Сын», «Дитя», «Красные огни», «Колька и Вашка», «Смерть Ивана Андреевича», «Сон Пахома», «Катай», «О, Андрей», «Обмыльшек», «Мигунчик», «Трактор», «Огневцы»; поэма «Ткачи»; повести «Илим-город», «Береговая бль»; пьесы «Дети земли», «Град», «Пахом», «Бунт земли», «Мужики»; цикл очерков «От деревенских полей» и другие произведения.

Обращение Федора Панферова к жанру очерка неслучайно. Михаил Гаврилович Майзель (1931) в книге «Краткий очерк современной русской литературы» рассуждает о том, что значение очерка как жанра художественной литературы возросло в сложном и многостороннем процессе социалистической реконструкции: «...своевременная фиксация всех разнообразных изменений, которые под напором новых общественных отношений происходят в окружающей действительности, составляет первую и наиболее существенную отличительную черту очерка. Непосредственная (во времени) реакция на события текущего момента сообщает очерку ту гибкость и подвижность, которая превращает его в действенное орудие литературы» (с. 198).

Резолюция Центрального комитета Всероссийской коммунистической партии большевиков (ЦК ВКП(б)) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», признававшая главенство пролетарской и крестьянской литературы, совпала с началом нового периода в жизни Советского Союза: страна вступила в фазу реконструкции и индустриализации промышленности и сельского хозяйства: «Частью этого массового культурного роста является рост новой литературы – пролетарской и крестьянской в первую очередь, начиная от ее зародышевых, но в то же время небывало широких по своему охвату форм (рабочьи, сельские, стенгазеты и пр.) и кончая идеологически осознанной литературно-художественной продукцией».

Художественный очерк, кроме актуальности, злободневности, конкретности, фактографичности и лаконичности, «опирается на такую “частность”, которая либо типична для целого ряда явлений, либо служит выражением каких-либо общих перспектив в той или иной области общественных отношений» (Майзель, 1931, с. 199). «Партия должна подчеркнуть необходимость создания художественной литературы, рассчитанной на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского; нужно смелее и решительнее порвать с предрассудками барства в литературе и, используя все технические достижения старого мастерства, вырабатывать соответствующую форму, понятную миллионам» (О политике партии..., 1925). Таким образом, выбор Федором Панферовым жанра очерка объясняется тем, что эта форма обладает публицистической убедительностью и способна активно воздействовать на сознание читателя с целью переустройства общества. А так как перед литературой как средством формирования новой идеологии стояла задача отражения темы классовой борьбы, то вопрос неизбежной гибели индивидуального хозяйства и связанного с ним жизненного уклада становится предметом авторского осмысления в книге очерков «В предутреннюю рань».

В этой связи представляется целесообразным обращение к первому и последнему произведениям книги (очеркам «Маркел» и «В предутреннюю рань»), что позволит выявить авторскую позицию: показать начальный и конечный этапы движения авторской мысли по вопросу развития деревни, ее настоящего и будущего.

В первом очерке книги – «Маркел» – перед читателем предстает образ Маркела Петровича – мужика, который погожим мартовским днем везет рассказчика и инструктора укома, ленинградского рабочего Котова в Знаменку. Первой репликой Маркела, открывающей диалог героев, являются два слова, отражающих природу крестьянина, живущего в тесной связи с землей: «Пахать скоро» (Панферов, 1927, с. 5). Это единственная реплика, произнесенная Маркелом по собственной инициативе. Все последующие фразы – ответы на вопросы столичных гостей.

Последние же фразы очерка заслуживают особого внимания:

«– Ну, а коммунисты у вас есть? – спрашивает Котов.

– Коммунисты? А как же без них? Теперь без них ничего нет... Все везде сидят...

– А законы они вам поясняют?

Маркел подхлестнул меренка, посмотрел вглубь парка, а потом, будто в сторону, бросил:

– Так... краешком» (Панферов, 1927, с. 8).

Очевидно, что этот крестьянин принимает сложившуюся общественно-политическую ситуацию, но происходящие в родном селе процессы, связанные с приходом новой власти, являются для него всего лишь фоном, а настоящий, живой интерес вызывает только одно – будущий урожай, который «непременно» должен быть хорошим в «нынешнем году».

Маркел застал то время, когда места, в которых оказался рассказчик, принадлежали барину Строганову: «Да-а-а. Чудной он у нас был – Строганов... Чудил все...» (Панферов, 1927, с. 6). Обращает на себя внимание местоимение «нас», за которым угадывается, с одной стороны, ощущение принадлежности к большинству, а с другой – барин воспринимается простым мужиком не чужеродным элементом, а естественной частью помещичье-крестьянского целого. Да и само оценочное суждение, выраженное в однокоренных прилагательном и глаголе «чудной, чудил», не имеет негативного оттенка и вызвано вопросами приезжих, которые видят, что «через Цну и дальше по вымоинам, луговинам, на расстоянии версты – местами торчат сваи, на сваях кое-где обломки – доски» (Панферов, 1927, с. 6). Маркел рассказывает, что «барин когда был... мост во всю длину сделал, чтобы во время разлива Цны проезд иметь» (Панферов, 1927, с. 6). Рассказчику представляется странным, что ради использования в течение одной-двух недель в году был построен мост, поскольку река быстро мелеет и необходимость в этом сооружении отсутствует: «На недельку мост понадобился... а?» (Панферов, 1927, с. 6).

Знаменку – село, в котором живет Маркел, – мы видим глазами рассказчика: улицы «тянутся, неожиданно загибаются и на концах теряются лачужками с подслеповатыми окошечками. В улицах же избы – пегие. Каждый год их бабы по осень (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.) глиной умазывают, и каждый год и весну с них глина сползает, и стоят избы пегие вплоть до осени» (Панферов, 1927, с. 6). Словоупотребление «каждый год» задает непрерывный, многократно повторяемый из поколения в поколение, из года в год цикл, не приводящий к какому-либо результату. Очевидна авторская мысль о том, что крестьяне – жители Знаменки – не научились распоряжаться по-хозяйски даже собственным имуществом – избами, домами.

Ощущение замершей, не развивающейся жизни усиливается пейзажными зарисовками: «Выехали на возвышенность – Знаменка не только со своими кривыми улицами, закоулками, но и со своими задними дворами, сарайчиками легла перед нами, как на ладони. Застыла» (Панферов, 1927, с. 6), «Выехали в улицу... Куры шевелятся по дороге в навозе. На углу – у двора – стоит худая буренка – две галки наперебой дергают из ее спины шерсть. Буренка в наслаждении потягивается» (Панферов, 1927, с. 7).

Автор намеренно расширяет пространство произведения, чтобы показать, что Знаменка – не исключение: «По другую сторону речушки Кориан, на бугре, пораскинулось село – Сергиевка. На конце села стоит ветряная мельница, скрипит крыльями, машет – будто отпугивает от села все радостное, светлое» (Панферов, 1927, с. 6).

Отсутствие цвета в пейзажных описаниях создает ощущение диссонанса. В начале очерка упоминается «рыжий меренок», ярко светящее «мартовское солнышко», весело урчащие «первовесенние потоки» (Панферов, 1927, с. 5). Но по мере приближения к Знаменке исчезает всякое упоминание о красках. Даже портрет героя передает ощущение выцветшей жизни, лишенной всякой радости: «Я посмотрел на шею Маркела. На шее у Маркела посерела грязь; серая грязь лоснится, точно нижняя, отвислая губа старой кобылы», «...тут Маркел поднял на меня свои белобрысые глаза» (Панферов, 1927, с. 7).

Ключевым пространственным маркером остановившейся жизни является образ «полуразрушенного, с выдранными окнами, огромного каменного бывшего барского дома» (Панферов, 1927, с. 8), который, находясь в середине парка, меж сосен, «проваленным носом угрюмо смотрит на грядущую весну» (Панферов, 1927, с. 8). Рядом с ним «на углу – там, где дороги скрещиваются, – деревянный, двухэтажный домик. На втором этаже окна выбиты, в одном окне кто-то не успел стянуть раму, – она повисла на одном гвоздышке и болтается со скрипом от ветра. На крыше же домика бочком легла кирпичная труба и смотрит на нас в каком-то ожидании» (Панферов, 1927, с. 8). Обращают на себя внимание две детали: уменьшительный суффикс в слове «домик» (ср. «барский дом») и образ трубы, которая смотрит на проезжающих «в каком-то ожидании» (ср. с образом барского дома, который «угрюмо смотрит на грядущую весну»). Именно в этом домике создана «читалка» – место, откуда должны транслироваться идеи по переустройству жизни. Но на вопрос, бывает ли там кто, Маркел отвечает: «Керосин жгут... А кто бывает – бог их знает» (Панферов, 1927, с. 8).

Мотив ожидания, усиливаемый мотивом выбора пути, заданный образами трубы и скрещивающихся дорог, отражает авторскую мысль об абсолютной невозможности возврата к прошлому (оно разрушено) и пока невозможной перестройке настоящего: у домика нет хозяина, который будет не просто жечь керосин в «читалке», но которому будет доверять мужик, который сможет показать крестьянину, по какому пути двигаться дальше.

Таким образом, в очерке противопоставлена идея обновления жизни, заданная через образ весеннего мартовского дня; идея ценности этого нового, заданная через мотив будущего урожая; и невозможности построить это новое, опираясь на прошлый опыт (образы свай, оставшихся от моста, и разрушенного барского дома) или традиционный уклад жизни крестьянина (образы пегих изб).

Последний очерк книги «В предутреннюю рань» подводит итог авторским наблюдениям. Рассказчик и Котов покидают коллектив имени Яковлева и едут на станцию Кориан – в то место, откуда они прибыли несколько месяцев назад, в марте.

Обращает на себя внимание заглавный образ данного очерка: он характеризует краткий миг, который непременно сменится наступившим утром, а позже – днем. В контексте конкретного очерка считается мысль о том, что члены артели, преодолевшие немало трудностей, находятся на верном пути: впереди их

ждет светлое будущее. В контексте всей книги, отражающей процессы, происходящие в стране, вывод становится более масштабным: будущее советской деревни связано с неизбежностью перехода к коллективной форме ведения хозяйства.

Первый и последний очерки книги «В предутреннюю рань» антитетичны. Это прослеживается на разных уровнях текста.

В частности, если обратиться к образному ряду двух текстов, можно увидеть следующее. Если в первом очерке книги героев в Знаменку вез на своем меренке, который «весь в назъме, будто в лепешках, нехотя зашлепал отросшими, острыми копытами по выбоинам ухабистой, рыхлой дороги» (Панферов, 1927, с. 5), крестьянин Маркел, то обратно рассказчика и Котова везет Кузьма Иванович – член артели, конюх – на лошадаках, которые «мчатся», «разбивают на все стороны жидкую осеннюю грязь» (Панферов, 1927, с. 145), «рвутся вперед неудержимо» (Панферов, 1927, с. 146), «еще в большем азарте» несутся «к дубовому массиву к станции Кориан» (Панферов, 1927, с. 146).

Эти лошадки – собственность коллектива: они ухожены, полны сил и энергии в отличие от меренка Маркела, который был способен лишь «быстрее зашлепать копытами по весенним лужам» (Панферов, 1927, с. 8), почуяв приближение к дому.

Противопоставлены и образы домов в этих двух произведениях: если в первом очерке перед читателем предстают «пегие избы» крестьян с «подслеповатыми окошками», то в последнем очерке книги, рисуя жизнь членов артели, мы видим «беленькие домики», из которых «толпою высыпали члены коллектива» (Панферов, 1927, с. 144). Упоминается и клуб, в котором всю ночь перед отъездом «пели песни, пили чай, а иные и русскую горькую...» (Панферов, 1927, с. 145).

Художественным временем первого произведения, открывающего книгу, является весна, а в последнем очерке изображена осень: «...забрызгали красками осенние калужники» (Панферов, 1927, с. 144), «...разбивают на все стороны жидкую осеннюю грязь» (Панферов, 1927, с. 145), «...мокнет от осени полосками» (Панферов, 1927, с. 146). Но в сочетании с образом утра («Дрогнули утренние зори...» (Панферов, 1927, с. 144), «рвутся лошадки... пенится у них на спинах утренняя рань» (Панферов, 1927, с. 145), «Краски зорь метлешат по загорелым лицам коллективистов» (Панферов, 1927, с. 145), «Зори уже расползались, расстали (орфография автора сохранена. – О. К., О. Р.) красками в предутреннюю синеву» (Панферов, 1927, с. 146)) осень воспринимается не как время увядания, умирания, а, напротив, как время полноты жизни, подведения итогов крестьянского цикла: весна – сев – осень – сбор урожая.

Описывая Знаменку в первом произведении книги «В предутреннюю рань», рассказчик не упоминает людей. Складывается ощущение, что в селе замерла жизнь и в нем никого нет. В то время как в последнем очерке уезжающих рассказчика и Котова провожают члены коллектива имени Яковлева. Гости, покидая артель, слышат позади «хор буйных и сильных голосов», который «вдарил “Смело, товарищи, в ногу...”» (Панферов, 1927, с. 145). И эта песня получает определение «победной»: «В безлистных верхушках парка застряла, билась победная песнь коллективщиков» (Панферов, 1927, с. 145).

Местоимение «нас» в устах Маркела (героя одноименного очерка) звучит лишь однажды при характеристике прошлого барина: «Чудной он у нас был – Строганов» (Панферов, 1927, с. 6), артельщики же ощущают себя единым целым в настоящем. Савастьянов при прощании говорит: «Так не забывайте... Дорогу теперь к нам знаете...» (Панферов, 1927, с. 144), Котов обращается к членам коллектива «товарищи», чувствуя общность, разделяя ценности этих людей, их идеалы. А простой мужик – конюх Кузьма Иванович – формулирует мысль, которую можно назвать идейным центром третьей части всей книги, получившей название «Коллективщики»: «Потому, крепко в землю корешок пустили – брать теперь кому доведется ежели – не под силу...» (Панферов, 1927, с. 146). Этим людям пришлось не только преодолеть множество испытаний, сложностей, но и изменить свой взгляд на жизнь. Ф. Панферов поднимает важную тему изменения личности под влиянием изменившейся среды. Члены артели осознали, что только в коллективе смогут противостоять возможным трудностям и построить желанное будущее.

Этим объясняется и разница эмоционального фона первого и последнего очерков. Для крестьянина-индивидуалиста Маркела, который живет так, как жили его отец, дед и прадед, политические процессы, происходящие в стране, абсолютно чужды. Предрассудки и старые привычки закрывают ему глаза на новое настоящее. Причем он не противостоит новой власти, сожалея о прошлом, Маркел принимает ее, но живет при этом собственными интересами. Он – индивидуалист, дорожающий пусть плохим, но «своим»: сохой, землей, избой. Ключевым словом, характеризующим эмоциональный фон данного очерка, является «равнодушие».

В последнем же произведении книги эмоциональным фоном становится чувство радости и наполненности жизни, уверенности в выбранном пути: «...кто-то тепло засмеялся» (Панферов, 1927, с. 145), «...радость и дружба обуяли всех» (Панферов, 1927, с. 146), «...в груди забила радость» (Панферов, 1927, с. 147).

Уезжая, рассказчик и Котов вновь оказываются в Знаменке и видят избу-читальню, на крыше которой «все так же бочком лежит кирпичная труба, мокнет от осени полосками, будто выжимает из себя, спускает по железной, плешивой крыше ржавую гарь и в каком-то тоскливом ожидании смотрит на нас» (Панферов, 1927, с. 146). Размышления столичных гостей прерывает Кузьма Иванович репликой о том, что «хозяина пока что нет... Место ему есть, хорошее место, а хозяина еще нет, не пришел... Вот придет, он все и наладит» (Панферов, 1927, с. 146), но на вопрос: «Откуда придет?» – Кузьма Иванович не может дать ответ.

Завершается рассказ на оптимистичной ноте: рассказчик, оглянувшись назад, видит, что «над рекой Цной пораскинулся парк коллектива», и приходит к выводу, что именно там находится будущий хозяин этой

земли: «Там хозяин, – невольно мелькнула мысль, оттуда он и придет в Знаменский вик» (ВИК – волостной исполнительный комитет. – О. К., О. Р.) (Панферов, 1927, с. 147).

Кольцевая композиция книги очерков «В предутреннюю рань», заданная пространственным образом Знаменки и конкретизированная в предметном образе заброшенной избы-читальни, размыкается через идейный уровень текста: человек, принявший изменившуюся среду, в будущем станет транслятором новых социалистических отношений, новых форм труда, он обладает способностью вести за собой других и менять действительность. Именно эти задачи ставила эпоха реконструкции перед литературой.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Изображение деревни в книге очерков Ф. И. Панферова «В предутреннюю рань» можно охарактеризовать как диалогически противоречивое: в ней показан сложный переход от сознания крестьянина-одиночки к осознанию необходимости коллективного ведения хозяйства. Эта диалектика, в свою очередь, отражает главные принципы эстетики и поэтики будущего социалистического реализма, намеченные уже в Резолюции ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» и закрепившие за литературой позицию «долженствования» в отражении двух главных процессов современности: индустриализации промышленности и сельского хозяйства. Ф. И. Панферов, представляющий «колхозную прозу» 1920-30-х годов на авансцене официальной литературной жизни периода, в основу своего осмысления процессов коллективизации положил понятие социального заказа, отсюда ярко выраженная антитетичность в изображении прошлого деревни (и крестьянина-собственника) и настоящего и особенно будущего деревни (и крестьянина-коллективщика).

Перспективы исследования нам видятся в изучении воссоздания особенностей народного сознания в произведениях Ф. И. Панферова 1930-х гг., укладывающихся в понятие «колхозной прозы».

Источники | References

1. Алгасов П. Ф. Панферов «В предутреннюю рань» (Изд. «Московский рабочий». М. - Л., 1927. Стр. 147. Ц. 1 р.) // Печать и революция: журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1928. Кн. 5.
2. Майзель М. Краткий очерк современной русской литературы. М. - Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1931.
3. О политике партии в области художественной литературы: Резолюция ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 г. // Известия Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков. 1925. № 25-26. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136678>
4. Панферов А. Мой старший брат. Штрихи жизни Федора Панферова. М.: Московский рабочий, 1980.
5. Панферов Ф. В предутреннюю рань. М. - Л.: Московский рабочий, 1927.
6. Панферов Ф. Родное прошлое // Панферов Ф. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959. Т. 6.
7. Панферова В. Ф. Дело всей жизни: повесть о Федоре Панферове. М.: Советский писатель, 1987.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1987. Т. 3. П - Р.
9. Сурганов В. Живая сила // Федор Панферов. Воспоминания друзей / сост. Б. Л. Брайнина, А. Д. Коптяева. М.: Советский писатель, 1977.
10. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1978.

Информация об авторах | Author information

Кулышева Ольга Михайловна¹, д. филол. н., доц.
Ращупкина Ольга Станиславовна²

^{1,2} Нижневартковский государственный университет

Kultysheva Olga Mikhailovna¹, Dr
Rashchupkina Olga Stanislavovna²

^{1,2} Nizhnevartovsk State University

¹ kultisheva@inbox.ru, ² 77ros@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.06.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

Ключевые слова (keywords): Ф. И. Панферов; колхозная проза; очерки; тема коллективизации; F. I. Panferov; collective farm prose; essays; collectivization theme.